

Pesennyj fol'klor nemcev Povolž'ja kak zerkalo rossijskoj istorii

Journal Article**Author(s):**

[Lykov, Egor](#)

Publication date:

2020-12

Permanent link:

<https://doi.org/10.3929/ethz-b-000458891>

Rights / license:

[Creative Commons Attribution 3.0 Unported](#)

Originally published in:

Mundo eslavo - Journal of Slavic Studies 19

Песенный фольклор немцев Поволжья как зеркало российской истории

Volga German Folk Lyrics as a Mirror of Russian History

EGOR LYKOV, *ETH Zurich*
egorlyk@gmx.at

Received: May, 21 2020.

Accepted: November, 1 2020.

АННОТАЦИЯ

Настоящая работа рассуждает об исторической песне как особом жанре песенного фольклора немцев Поволжья и на основе семи примеров рассматривает его генезис. При этом волжско-немецкий фольклор рассматривается как реакция на политику российского государства и групповое восприятие событий прошлого. Исходя из значимости исторических песен для формирования этнической идентичности и культурной памяти, работа иллюстрирует создание травмирующих воспоминаний о прошлом и формирование специфической культуры жертв. В то время как под исторической песней чаще всего подразумевались локальные феномены, особое внимание в данной работе уделено культурному трансферу и циркуляции аутентичных волжско-немецких песен.

Ключевые слова: немцы Поволжья, фольклор, историческая песня, культурная память, этномузыкология.

ABSTRACT

The present study deals with historical songs as a particular genre of the Volga German folklore and traces its genesis on the basis of seven characteristic examples. The Volga German folklore is considered a response to the politics of the Russian state and a collective reception of the past. Emphasizing the importance of such songs for the formation of a specific ethnic identity and cultural memory, the paper illustrates the emergence of social traumata and specific victimization narratives. While previous works primarily considered historical songs local phenomena, this paper puts particular attention to cultural transfer and the circulation of authentic Volga German folk songs.

Keywords: Volga Germans, folklore, historical song, cultural memory, ethnomusicology.

Опыт исследования немецкого песенного фольклора в России

Этномузыкальные исследования немцев Поволжья имеют достаточно давнюю традицию. Сюда относятся не только этнографические экспедиции Георга Шюнеманна, Виктора Максимовича Жирмунского, Георга Дингеса в начале XX века, но и попытки осознать, систематизировать и обобщить сведения о народной музыке этноса. Так, диалектолог Жирмунский выделил 14 жанров волжско-немецких народных песен, среди которых присутствует и историческая песня (Schirmunski, 1928/29: 182–215). Современные работы по изучению аутентичного фольклора поволжских немцев затрагивают изучение свадебной обрядности (Виндгольц, 2011; Шишкина, 2008), а также языковые особенности песенного наследия (Пузейкина, 2015). Баллады, духовные, лирические песни были наиболее глубоко изучены и были признаны «доминантами этнической идентичности» немцев Поволжья (Шишкина, 2011: 107). При этом следует отметить, что жанр исторической песни уже давно привлекал внимание ученых-исследователей. В 1927-1928 гг. возникла работа В. М. Жирмунского

«Колонистская песня в России» (Schirmunski, 1927/28: 182–215), в которой достаточно подробно был рассмотрен вопрос о разделении песенного наследия немцев СССР на типы и жанры.

В указанной работе В. М. Жирмунский также описывает ряд исторических песен, дает разъяснения по истории их происхождения и главным особенностям. Известный диалектолог критикует работы по сбору немецкого песенного наследия Георга Шюнеманна, а также Иоганнеса Эрбеса и Петера Зиннера (Erbes/Sinner, 1914; Schünemann, 1923), обвиняя первого в непоследовательности и разрозненности изложения материала, а двух других – в отсутствии мелодий к приведенным многочисленным текстам песен (Schirmunski, 1927/28: 183). Однако следует также признать и весьма заметную однобокость рассматриваемой работы В. М. Жирмунского, в которой рассмотрены только особенности текстов немецких народных песен при весьма размытом объекте исследования – многочисленных немецких диаспор в Крыму, на Украине, под Санкт-Петербургом, в Поволжье и на Кавказе. Хотя в работе и приведены мелодии некоторых песен, широта и высокая степень дифференциации песенного наследия в различных региональных немецких диаспорах, возможные различия не только на текстовом, но и на музыкальном уровне не позволяют составить конечного, в некоторой степени определенного представления об исторической песне в фольклоре немцев Поволжья. Современные этномузыкальные исследования подчеркивают сходство островного немецкого фольклора в России с фольклором Германии, где войны и значительные социально-политические изменения являются важными моментами для генерации исторических песен. Их событийность при этом рефлектирует в первую очередь социально-политическую жизнь, чем локальную историю (John, 2003: 163–205; Stöckl, 1999: 153). Однако при этом нивелируется влияние многонациональной российской культуры и истории на становление и развитие волжско-немецкого песенного фольклора.

Постановка проблемы

Данное исследование имеет целью расширить и углубить представления о жанре волжско-немецкой исторической песни как не только локальном историко-культурном, но и глобальном феномене, охватывающим многие немецкие диаспоры, проживавшие в различных регионах царской России и СССР, а также выявить особенности волжско-немецкой народной исторической песни на разных этапах ее становления и развития. Основным исходным положением работы является тезис о том, что в песенном наследии немцев Поволжья весьма заметное влияние оказывают локальные традиции, что позволяет их выделение в отдельный этнос с собственной уникальной и своеобразной культурой. Необходимостью изучения не только вербального, но и музыкального содержания народных песен немцев Поволжья обусловлена актуальность настоящей работы. Следует понимать, что сравнительные структурно-типологические исторические исследования ведут к более глубокому пониманию музыкального мышления этноса, а также помогают определить общие тенденции и специфические особенности в их культурном развитии. Поэтому, с одной стороны, работа обсуждает теоретические предпосылки для выделения волжско-немецкой исторической песни (в

частности, ее отличия от солдатских песен), а с другой – рассматривает генезис жанра на основе наиболее характерных примеров, частично впервые вводимых в научный оборот.

Базу источников для исследования составляют материалы этнографической экспедиции по лютеранским колониям на Волге Георга Дингеса, проведенной в 1928–1929 гг., сохранившиеся в очень хорошем состоянии до наших дней и находящиеся на хранении в Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельс (ГИА НП, ф. Р-1831, оп. 1, ед. хр. 131–139). Георг Дингес, выходец волжско-немецкого лютеранского села Блюменфельд, является одним из крупнейших диалектологов XX века. Будучи профессором германской филологии сначала в Саратовском университете, а в последствии и в Немецком педагогическом институте в Энгельсе, Дингес вместе со своей женой Эммой, студенткой и впоследствии детской писательницей Кларой Оберт и музыковедом Готтфридом Шмидером организовывали полевые исследования немецких диалектов, причем наибольшее внимание уделялось песенному фольклору. Так, для его корректной письменной фиксации была разработана уникальная система нотации, учитывающая звукопроизносительные особенности языка немцев Поволжья, находящегося под сильным русским влиянием. Предварительные результаты исследования были опубликованы Дингесом в Германии в 1932 году и представляли собой нормализованное воспроизведение текстов и нот 50 песен, в то время как все собранные эмпирические данные включали в себя более 700 песен (Dinges, 1932). Это издание стало последней прижизненной публикацией Дингеса, арестованного за «антисоветскую агитацию» в 1930 году и сосланного в Томскую область. Большой террор прервал диалектологические исследования на Волге, а материалы экспедиции Дингеса до сих пор не были изданы в полном объеме и использовались исследователями только лишь фрагментарно. Настоящая работа тоже идет по этому пути, вычлняя из общего числа песен только те, которые можно отнести к жанру исторической песни, и опираясь в аргументации на немногочисленные, но показательные примеры.

Использование в качестве источника данных материалов предопределило ряд проблем. Прежде всего, метод экспедиции, несомненно, хорош для сбора этнографического материала, но для проведения диахронического исследования является весьма субъективным. Во-первых, это связано с тем, что любая этнографическая экспедиция создает искусственные условия для исполнения тех или иных песен, и незнание контекста исполнения той или иной песни существенно сужает круг исследовательских возможностей. Во-вторых, запись песен проводилась в основном только у некоторых информантов, знавших большое количество народных песен и бывших так называемыми «хранителями» песенного народного творчества своих народов. К тому же, исследования проводились исключительно в лютеранских деревнях, в которых членам исследовательской группы завоевать доверие местных жителей было легче всего (родные села исследователей, их знакомых, представителей одной и той же конфессии). Отсюда следует, что искусственность условий исполнения и невозможность проведения сплошного обследования привело к тому, что мы имеем дело только с определенной, наверняка значительной, частью песенного наследия немцев Поволжья, причем за счет этого некоторые его элементы следует признать безвозвратно утерянными. При этом имеет место элемент случайности дошедших до

наших дней образцов волжско-немецкого песенного исторического фольклора.

Однако выбор данной экспедиции в качестве базы источников был сделан не случайно. В годы проведения экспедиции еще сохранялись аутентичные немецкие вокальные традиции. Это подтверждает тот факт, что почти все информанты Г. Дингеса – мужчины, типичные хранители немецкого фольклора. После 1941 года, по Е. М. Шишкиной, волжско-немецкий аутентичный фольклор подвергся русификации, и его хранительницами стали исключительно женщины (Schischkina, 2001: 137). Таким образом, в виде материалов данной экспедиции к изучению предоставляется последний пласт аутентичных песенных традиций немцев Поволжья, что только прибавляет интереса к данной теме исследования.

В свою очередь, поднятая методологическая проблема обнажает субъективность представлений о фольклоре немцев Поволжья в конце 20-х годов XX века, вызванную особенностями сбора этнографических материалов. Кроме того, не должна исключаться и возможность неоднозначных современных трактовок того или иного фольклорного произведения, которая могла не осознаваться информантами и исследователями прошлого как таковая. Таким образом, в настоящей работе будут систематизированы сведения об исторической песне немцев Поволжья, будут рассмотрены их особенности как с точки зрения текста, так и с точки зрения музыки, на примерах будет проиллюстрирована динамика музыкально-исторического мышления поволжских немцев. Также будет предпринята попытка периодизации музыкальной истории поволжских немцев с точки зрения отражения в народных песнях тех или иных исторических событий.

Теоретические предпосылки жанра волжско-немецкой исторической песни

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных примеров, стоит отметить, что одним из самых главных при интерпретации исторических песен является вопрос о происхождении народной песни. В. М. Жирмунский весьма точно определил происхождение немецких колонистов на Волге, а именно это были следующие регионы Германии: Гессен, Пфальц, Вюртемберг и Северный Эльзас (Schirmunski, 1927/28: 182). Так как автор не приводит источников этих данных, возможно, определить происхождение колонистов ему помогли блестящие знания немецких диалектов. Во всяком случае, утверждение В. М. Жирмунского полностью подтверждается архивными источниками (ГАСО, ф. 180, оп. 8, ед. хр. 1, 1а).

Тем не менее, вопрос о времени возникновения той или иной песни остается открытым и вряд ли сможет быть когда-либо объективно выяснен. Однако примерный возраст песни можно определить исходя из лингвистических и сюжетных особенностей текста. Это значит, что не только наличие того или иного диалекта, но и особенности лексики, синтаксиса, а при наличии письменной фиксации во многом и орфографии, присущие какому-либо временному пласту в развитии языка, помогают примерно определить возраст песни. Особенности сюжета в народных песнях помогают отнести их к определенному жанру: старые баллады (по В. М. Жирмунскому, „alte Balladen“) относятся к наиболее древним произведениям немецкого песенного народного творчества, а духовные песнопения – к Средневековью, когда над обществом довлела

религия (Schirmunski, 1927/28: 184).

Содержательный аспект играет еще более важную роль в исторических песнях. Именно исходя из содержания песни можно определить, является она исторической или нет. При том что историзм песни обусловлен ее содержанием, другими словами, отсылкой к конкретным историческим событиям, явлениям и феноменам, вокруг определения исторической песни развернулась значительная дискуссия, вследствие чего определение данного понятия до сих пор остается весьма спорным. С одной стороны, исторической следует признать любую песню, содержание которой отражает исторические события. С другой стороны, по принципу релевантности многие из таких песен не становятся известными за пределами одного населенного пункта или определенной группы людей, а также не передаются последующим поколениям и забываются, что ставит под вопрос важность таких песен для конструкции общественных коммемораций и трансляции культурной памяти. Ряд ученых признает такие песни также историческими, в то время как другие являются противниками такого допущения. Ясность в вопрос определения исторической немецкой народной песни внес немецкий исследователь Дитмар Зауэрманн, выделивший следующие три критерия, которые позволяют относить образцы музыкального наследия к жанру исторической песни:

- Историческая песня сообщает о каких-либо исторических событиях, либо повествует о какой-либо исторической персоне в прошлом;

- Историческая песня должна иметь как минимум три сохранившихся записи, широкое распространение, а также передаваться последующим поколениям по принципу «из уст в уста»;

- Наличие изменений мелодии и/или текста при передаче певческой традиции (Sauer mann, 1973: 293–322).

В данном исследовании отнесение народных песен к жанру исторических будет произведено по описанному Зауэрманном принципу.

Периодизация истории немцев Поволжья начинается, пожалуй, в 1762 году, когда императрица Екатерина II издала манифест, приглашавший иностранных колонистов в Россию. При этом возникли многочисленные анонимные и авторские произведения, описывающие проблемы адаптации переселенцев в Нижнем Поволжье (Ритчер, www.wolgadeutsche.net; Fuzellier, 1991; Peppler, 1832; Züge, 1988). Следует отметить, что вплоть до середины XIX века интерес к фольклорным исследованиям в регионах Среднего и Нижнего Поволжья не возникал. Хотя по государственному заказу и проходили так называемые «экспертизы» малоосвоенных регионов (например, отец и сын Форстеры, Петер Симон Паллас и др.), они носили характер описания местности с ее достоинствами и недостатками и не имели целью изучать культурное наследие проживающих на этих территориях народов (Pallas, 1771). Сложившаяся в Саратовской губернии ситуация изменилась во многом благодаря этнографической деятельности Александры Никаноровны Пасхаловой, жены оппозиционного историка-украинофила Даниила Мордовцева, инициировавшей вместе с находящимся в ссылке в Саратове историком Николаем Костомаровым собирательство народных песен коренного населения (Пасхалова, 1962: 1–112). Затем последовали работы ученого-энциклопедиста А. Н. Минха, впервые систематически описавшего обычаи и традиции

немцев Поволжья (Минх, 1898–1902).

При этом ошибочно полагать, что до конца XIX века ничего не было известно об исторических волжско-немецких народных песнях. Несомненно, из-за отсутствия фольклорных исследований могла быть утеряна существенная часть песенного наследия, но это также позволяет утверждать, что к моменту 1929 года в этом наследии сохранились лучшие, отобранные несколькими поколениями образцы исторических песен, передаваемые из поколения в поколение и образующие тем самым ядро исторической памяти немцев Поволжья, с XVIII века неразрывно связанных с российской историей и культурой. Необходимо упомянуть и тот факт, что в музыкальном наследии немцев Поволжья присутствуют также и древнейшие исторические песни, например, „Ludwigslied“, повествующая об убийстве франкского короля Людовика II Заики в 879 году (Cod. 150: f. 141v - 143r.). В Германии исторические песни получили свое распространение с XIV века. Остается открытым вопрос о том, были ли сохранены эти песни в аутентичном песенном наследии поволжских немцев вплоть до 1929 года или привнесены извне на фоне популяризации народной культуры немецкими учеными и писателями начиная с Ахима фон Арнима и Клеменса Брентано. Несомненно, реликтовые формы фольклора, уходящего своими корнями в эпоху Средневековья, были присущи немцам Поволжья, однако их стоит отделить от исторических песен, возникших в период жизни поволжских немцев в России. Рассмотрим далее генезис исторических волжско-немецких народных песен на протяжении их полуторавековой истории.

Генезис волжско-немецких народных песен в свете российской истории

Первым этапом в развитии исторической песни немцев на Волге следует считать период с начала переселения в 1763–1764 гг. вплоть до Отечественной войны 1812 г. Такое разделение связано с тем, что вплоть до событий 1812 года выявить какие-либо следы исторической песни поволжских немцев, возникших уже в России, не представляется возможным ввиду отсутствия источников. Также неизвестно, были ли в репертуаре у немцев так называемые «переселенческие» песни. Это во многом обусловлено определенной замкнутостью поволжских немцев в первые годы после переселения и слабой сети контактов друг с другом. Второй этап в генезисе исторической песни немцев Поволжья можно выделить от 1812 года вплоть до великих реформ Александра II в 60–70-е годы XIX века. К данному периоду относится народная песня „Wir sitzen so fröhlich beisammen“ („Мы радостно вместе сидим“), представленная на рисунке 1.

Wir sitzen so fröhlich beisammen

Wir sit - zen so fröh - lich bei - sam - men und ha - ben uns al - le so lieb.

Wir er - hei - tern ein - an - der das Le - ben, ach, wenn es doch im - mer so

blieb.

Рисунок 1. Мелодия песни „Wir sitzen so fröhlich beisammen“ (Источник: ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 131, л. 27–28; графика автора)

Эта песня относится к периоду Наполеоновских войн и повествует о лишениях во время войны. Высмеивая Наполеона и его неудачный поход против России в 1812 году, песня описывает героизм простых солдат и противопоставляет их зажиточным военачальникам. В первую очередь следует отметить, что этот фольклорный памятник является глубокой переработкой лирического стихотворения немецкого поэта и с 1816 года генерального консула Российской империи в Пруссии Августа фон Коцебу „Es kann ja nicht immer so bleiben“, написанного в 1802 году и сразу же переложенного на музыку композитором Фридрихом Химмелем. Сохраняя поэтическую структуру авторского стихотворения, народная песня вводит сюжет Наполеоновских войн и подчеркивает (особенно в заключительных куплетах) страдания простого народа во время войны. Вряд ли следует считать Нижнее Поволжье местом происхождения этой песни, так как ее аналоги встречаются со значительными контрафактурами во многих немецких и австрийских сборниках народных песен конца XIX – начала XX в. Однако же если немецкие и австрийские аналоги песни следует признать солдатскими песнями, ее жанровая принадлежность у немцев Поволжья не является столь однозначной. Приведем полный текст этой песни, записанной в экспедиции Дингеса в 1928 году:

„Ei s kann ja nicht immer so bleiben
Im Schicksal und Wechsel des Monds,
Der Krieg muss den Frieden vertreiben:
Im Kriege wird keiner nicht verschont.

Napoleon, du schusters Geselle,
Was sitztest du so fest auf deinen Tron?
Wärscht du es in Deutschland geblieben,
So hättest du die allerschönste Tron.

Da kamen die stolzen Franzosen heraus,
Wir Deutschen, wir fürchten uns nicht,
Wir stehen so fest wie die Mauren
Wir wanken und weichen keinen Schritt.

Die reiche Leut, die wohnen in Schlösser,
Die haben viel Geld und viel Gut,
Sie tuns denen Armen rausspressen
Und quälen sie bis auf das Blut.

Sie kaufen sich weisser und blauer Kardun
Für lauter hares Geld,
Sie sein kein Mensch nichts mehr schuldig

Als Gott und die ganze Welt“ (ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 131, л. 27–28; выделение курсивом автора).

На наш взгляд, эта песня могла быть привнесена в культуру немцев Поволжья извне, так как в то время они были освобождены от воинской повинности и не принимали участия в боевых действиях. Однако Нижнее Поволжье (особенно Саратовская и Самарская губернии) являлось центром размещения военнопленных Великой армии, многие из которых были немцами и охотно вступали в контакт с местным немецкоязычным населением (Fuzellier, 1991; Pepler, 1832). При этом местное население трансформировало исторический нарратив солдатской песни и адаптировало его к собственной локальной истории, в которой жизнь гражданского населения во время войны вышла на первый план. Глубокие процессы рецепции немецкой солдатской песни в Нижнем Поволжье также отражены в языковых особенностях песни, несущей в себе местный колорит. Так, например, в песне используются нехарактерные для немецкого, но типичные для русского языка двойные отрицания (*im Kriege wird keiner nicht verschont* – на войне никто не будет пощажён), использование винительного падежа вместо дательного (*auf deinen Tron* – на твоём троне) и другие выделенные курсивом локальные особенности языка поволжских немцев.

Третий этап становления и развития исторической песни немцев Поволжья приходится на период 1874 – 1914 гг., когда были полностью отменены привилегии немецко-поволжского населения перед остальными подданными Российской империи. С начала 1870-х годов поволжские немцы были приравнены к крестьянскому сословию и несли все повинности наравне со всеми крестьянами в России. В частности, немцы теперь подлежали призыву в армию, что явилось огромной травмой для населения, за сто лет привилегий привыкшего к особому отношению Российского государства. Это наиболее полно выразилось в песне „Das traurige Schicksal“ („Грустная судьба“), мелодию которой представим на рисунке 2.

Das traurige Schicksal

Das trau ri - ge Schick - sal hat uns jetzt ü - ber nom - men
 Die Weil uns der Kai - ser zu Sol - da - ten hat ge - nom - men.
 Die Reih die war an mir, sonst könnt ich blei - ben hier.
 Die Weil ich a - ber muss schei - den und ihr blei - bet hier.

Рисунок 2. Мелодия песни „Das traurige Schicksal“ (Источник: ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 139, л. 28–29; графика автора)

Данная песня, записанная группой Дингеса, не имеет аналогов в немецкоязычных странах и не существует в виде каких-либо отдаленных переработок и адаптаций. Временем ее возникновения следует считать поздние 1870-е годы, прошедшие в контексте русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Приведем ее полный текст, дошедший до нас по записям 1929 года:

„Ihr alle gute Freunde,
 Wollt ihr uns nochmals sehn,
 So kommet ihr nach *Kamischinka*,
 Dort bleiben wir alle stehen.
 Von dort zogen wir aus
 Wohl in das große Haus,
 Dort werden wir geschoren
 Gleich wieder rum und raus.

Dann geht es nach *Saratow*
 Wohl auf die hohen Straßen,
 Dort werden wir caufen
 Wie die verlorenen Schafen,
 Dann kommt ein Offizier,
 Seid ihr noch alle hier,
 Ich will euch „*проважат*“

Bis vor dem *Kommandir*“ (ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 139, л. 28–29; выделение курсивом автора).

Текст изобилует локальными волжско-немецкими топонимами (Камышинка – имеется ввиду уездный город Саратовской губернии Камышин, Саратов), в которых находились военные присутственные места, ответственные за рекрутские наборы. Песня описывает процедуру этих наборов, при которой рекрутам обривали головы. При этом языковому аспекту коммуникации рекрутов уделяется много внимания. Так офицеры российской армии говорили по-русски, в то время как рекруты-немцы Поволжья далеко не всегда владели русским языком. В связи с этим слово

«проводить», ни с чем не рифмующееся в песне, было использовано на русском языке вместо немецкого *begleiten*. Да и само обозначение офицеров представлено в песне на русском языке (*Kommandir* вместо немецкого *Kommandeur*). Хотя и армия, несомненно, служила средством интеграции мужчин поволжских немцев в многонациональную Российскую империю, аутентичный фольклор создавал среди немцев Поволжья общее представление о такой интеграции как грустной судьбе. Это, по нашему мнению, послужило основой одному из агрессивных мифов начала XX века, распространявшее не соответствующие действительности слухи о неспособности немцев Поволжья интегрироваться в имперское общество (Семенов-Тянь-Шанский, 1901: 141–158, 215–217). Эта песня передавалась из поколения в поколение и возникла как минимум за 50 лет до ее записи Дингесом. Это подтверждает наличие данной песни в репертуаре потомков немцев Поволжья, переселившихся в 1870-е–1880-е годы в Аргентину из-за несогласия с введением всеобщей воинской повинности в Российской империи. Так, аргентинский исследователь Томас Копп записал ту же песню что и Дингес практически на другом конце света в 1937 году (Корр, 1937).

К этому же периоду генезиса исторической песни немцев Поволжья относится и произведение „Wie siehts aus im fernen Westen“ („Как дела на дальнем Западе“), приведенная на рисунке 3.

Wie siehts aus im fernen Westen

Wie siehts aus im fer - nen Wes - ten. Wo der Krieg so wü - ten

tut. Man - ches Le - ben tut es kos - ten und so man - ches jun - ges

Blut.

Рисунок 3. Мелодия и текст песни „Wie siehts aus im fernen Westen“ (Источник: ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 136, л. 81; графика автора)

Песня, полный текст которой, к сожалению, не сохранился, отсылает слушателя к действиям Первой мировой войны на западном фронте, однако следует отметить, что выражение «дальний Запад» не является характерным ни для немецкого, ни русского языков, в то время как Дальний Восток является устойчивым выражением в обоих языках. В этой связи стоит подчеркнуть участие немцев Поволжья в русско-японской войне 1904–1905 гг. (Шульга, 2009: 330–336), события которой с высокой вероятностью и описывались в более ранней версии этой песни. Однако с наступлением Первой мировой войны текст народной песни был адаптирован к актуальным условиям и стал тем самым интегратором культурной памяти немцев Поволжья как народа-защитника Российской империи. Эта песня является произведением аутентичного волжско-

немецкого фольклора, так как она не имеет аналогов в немецкоязычных странах. При этом она, равно как и последующие в наших рассуждениях примеры, отсутствует в репертуаре волжско-немецких диаспор, эмигрировавших в конце XIX века в Северную и Южную Америку.

В качестве заключительного этапа генезиса волжско-немецкой исторической песни мы вынуждены рассматривать период 1914 – 1929 гг. за неимением достоверных источников о фольклорной жизни немцев Поволжья вплоть до распада СССР. К этому периоду следует отнести песню „Wiederum ein festes Leben“ („Опять тяжелая жизнь“), представленную на рисунке 4.

Wiederum ein festes Leben

Wie - der - um ein fes - tes Le - ben, und der Kriēg hat noch kein

End. Man - cher tut sich mor - gen freu - en, wenn er kōnnt die sei - nen

schn.

Рисунок 4. Мелодия песни „Wiederum ein festes Leben“ (Источник: ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 136, л. 29–30; графика автора).

Она повествует о жизни поволжских немцев в период непрекращающихся войн и разрушений десятилетия между 1914 и 1923 гг. Ее полный текст не был записан в 1929 году, однако песня продолжала передаваться из поколения в поколение даже после массовых депортаций немцев в 1941 г., пережила Трудармию, спецпоселения, да и развал Советского Союза. Так, Иван Виндгольц записал полный текст этой песни в начале 2000-х годов у немцев Казахстана. Ее название имеет незначительную контрафактуру („Wiederum ein *schweres* Leben“), хотя содержание и эмоциональная окраска песни от этого никак не меняются (Виндгольц, 2011).

Наиболее значительным, хотя и менее узнаваемым в настоящее время пластом исторических песен немцев Поволжья являются нарративы гражданской войны, в ходе которой пострадало большое количество волжско-немецких деревень и значительно ухудшилась продовольственная ситуация в регионе. Это наиболее полно отражает песня „Russland“ („Россия“), представленная на рисунке 5.

Russland

Rus - land, ar - mes Rus - land, wie trau - rig stehts mit - dir, du

hast dein Volk ver - kau - fet für ei - ne Fla - sche Bier, du

hast dein Volk ver - kau - fet für ei - ne Fla - sche Bier.

Рисунок 5. Мелодия песни „Russland“ (Источник: ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 136, л. 25–26; графика автора)

Уже в первом куплете оплакивается горькая участь России. При этом говорится, что государство «продало» народ за бутылку пива. Последующие куплеты народной песни пошагово раскрывают смысл этого полного критики и обиды заявления:

„Es kamen tausend *Komissarn*,
Sie waren ja geschickt,
Und hinter dem Tisch am Branntwein
Verliessen sie ihren Kredit.

Es zogen tausend Komissarn,
Sie zogen zum *Wakulin* hinein,
Da kamen die Reiter von hinten,
Und nahmen sie gleich ein.

Jetzt liegen sie und jammern
Um ihre arme Not,
Ich möchte *Wakulin* nicht sehen,
Hätt ich meine Glieder noch.

Ihr Soldaten, ihr sollt kriegen,
Der Magen ist ja leer.
Wie könnet ihr noch siegen:
Zum Fressen ist nichts mehr.

Gekleidet sind sie tüchtig
Und laufen können sie leicht:
Statts Stiefel bekommen sie *Lapti*,
Den Bettlern stehen sie gleich“ (ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 136, л. 25–26; выделение курсивом автора).

Во втором куплете описываются зверства красных комиссаров в волжско-немецких селах, а в третьем и четвертом – не менее brutальное антибольшевистское восстание командира Красной армии Кирилла Вакулина, в ходе которого пострадало большое количество мирных жителей и наступил голод (Ященко, 2017). То же самое

описывали и современники в художественной литературе. Так, забытый волжско-немецкий писатель Андреас Петерсон писал в 1925 году в рассказе „Der Aufstand des hungrigen Volkes im Gebiet der Wolgadeutschen“ („Восстание голодного народа в области немцев Поволжья“): „Nicht lange darauf sah man von den Seiten der Stadt fremde, mageren Menschen eindringen, die der [sic!] Stadt entlang schossen, als ob sie alles töten wollten, worüber auch bald die Straßen geräumt und keine Seele mehr auf ihr zu sehen war“ („Вскоре после этого можно было видеть проникающих в город чужих, исхудавших людей, стрелявших по городу, как будто бы они хотели убить все вокруг, вследствие чего улицы быстро опустели и на них нельзя было встретить ни души“ – перевод мой) (ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 157, л. 11).

Чудовищные сцены гражданской войны также описываются в песне „Blumenfeld lag in dem Blute“ („Блюменфельд лежал в крови“), мелодию и текст которой можно найти на рисунке 6. Эта песня рассказывает о массовом насилии над местными жителями села Блюменфельд (места рождения Георга Дингеса) во время гражданской войны. При этом песня встречалась также и в окрестных деревнях в конце 1920-х годов, а о ее возможной дальнейшей передаче последующим поколениям ничего не известно.

Blumenfeld lag in dem Blute

Blu men feld lag in dem Blu - te Jetzt zu sin - gen mal von
Wie - viel Schwach - heit kannst du zei - gen Wie viel Höhn und Mär - der -

8
dir
kom.

Рисунок 6. Мелодия и текст песни „Blumenfeld lag in dem Blute“ (Источник: ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 136, л. 45–46; графика автора)

Стоит особо подчеркнуть, что историческими могут стать песни, изначально не имевшие специфического исторического подтекста. Например, в шуточной песне „Reinwald, Schulz und Osinofka“ („Рейнвальд, Шульц и Осиновка“), представленной на рисунке 7, отсылающая слушателя к названиям трех лютеранских волжско-немецких деревень, стала в процессе своего использования исторической, так как напоминала разбросанным по всему миру волжским немцам и их потомкам об их жизни в Нижнем Поволжье.

Reinwald, Schulz und Osinofka

Rein wald, Schulz und O si - nof ka
 Hau ihre Geld in ein - Bi - dof ka,
 A - ber es war weit ge - fehlt, nie - mand hat das Geld ge - zählt.

Рисунок 7. Мелодия и текст песни „Reinwald, Schulz und Osinofka“ (Источник: ГИА НП, ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 131, л. 89–90; графика автора)

Заключение

Историческая песня является одним из центральных медиумов культурной памяти, с помощью которого из поколения в поколение передаются нарративы национальной идентичности и происходит формирование воображаемых сообществ. Генезис жанра исторической песни при этом не так однозначен, как кажется на первый взгляд. Следует иметь в виду, что многие образцы исторических песен следует считать безвозвратно утерянными, так как они либо не были зафиксированы в письменной форме и были утеряны за счет прекращения передачи памяти последующим поколениям, либо не получали известности, достаточной для продолжения певческих традиций, по причине их иррелевантности для культуры памяти на том или ином этапе исторического развития. Хотя элемент случайности и присутствует в складывании жанра исторической песни немцев Поволжья, «естественный отбор» песен, передаваемых из поколения в поколение, обусловлен несколькими закономерностями. В первую очередь, появление аутентичных автохтонных волжско-немецких народных песен представляет собой механизм реакции национального меньшинства на политику российского государства и глобальные события политической жизни. История немцев Поволжья имеет трагический конец, выразившийся в терроре большевиков, депортации и недостаточной реабилитации по сей день, что существенным образом повлияло на формирование особой культуры жертв среди представителей немецкого меньшинства. Однако это не следует понимать как феномен новейшей истории России, так как эти тенденции уже были заложены в волжско-немецкого фольклоре на более ранних этапах своего развития. В частности, войны, революции и отмена привилегий для немецкого меньшинства в России являются пунктами в прошлом, нашедшим свое отражение в исторических песнях немцев Поволжья. Зачастую такие песни несут в себе травмирующую память о прошлом, основанную не на индивидуальных переживаниях (как это характерно, например, для семейной истории), а групповом восприятии событий. На наш взгляд, исполнение и передача через поколения исторических песен является актом «исцеления историей», способствующим социальному примирению и принятию катастроф прошлого. Так, исторические песни объясняют причины

эмиграции поволжских немцев в Северную и Южную Америку, а также конституируют места памяти в Нижнем Поволжье. Они помогают осознать миграционный феномен гибридной волжско-немецкой культуры, его хрупкость и мимолетность. Скорее всего, историческая тематика только усилится в современную эпоху пост-фольклора, когда историческая память может быть активирована новыми методами.

Примечание

Исходным пунктом для настоящей работы послужил проект «К истокам народной музыки российских немцев», который является лауреатом Всероссийского конкурса «Российские немцы в авангарде будущего» по поддержке проектов и присуждению общественных грантов в сфере искусства, образования, науки, спорта и развития гражданского общества, проведенного в 2014 г. Международным союзом немецкой культуры (г. Москва). Проект был осуществлен из средств бюджета Федеративной Республики Германия в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства.

REFERENCES

- Виндгольц, И.П. (2011). *Немцы России. Песня, музыка, обряд*. Саратов, Россия: Новый ветер.
- Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 180, оп. 8, ед. хр. 1, 1а.
- Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИА НП). Ф. 1831, оп. 1, ед. хр. 131–139.
- Минх, А.Н. (1898–1902). *Историко-географический словарь Саратовской губернии. В четырех томах*. Саратов, Россия: Типография губернского земства.
- Пасхалова, А.Н. (1862). Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии. In А.Н. Пасхалова, Н.И. Костомаров (Eds.), *Летописи русской литературы и древностей. Vol. 4* (pp. 1–112). Москва, Россия: Типография Грачева и Коми.
- Пузейкина, Л.Н. (2015). *Мы пели, мы жили, мы были... Песни немецких колонистов Петербургской и других губерний России*. Санкт-Петербург, Россия: Нестор-история.
- Ритчер, Р. (ред.). *Людвиг фон Платен*. Retrieved from: <http://wolgadeutsche.net/ritscher/Plah-ten.pdf> (20.05.2020).
- Семенов-Тянь-Шанский, П. П. (1901). *Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Том 6. Нижнее и Среднее Поволжье и Заволжье*. Санкт-Петербург, Россия: А. Ф. Девриен.
- Шишкина, Е. М. (2008). *Немецкая свадьба*. Москва, Россия: МСНК-пресс.
- Шишкина, Е. М. (2011). Традиционное музыкальное наследие волжских немцев в прошлом и современности. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. Саратов: Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова.
- Шульга, И.И. (2009). Русско-японская война и немцы Поволжья. In А.А. Герман (Ed.), *Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»*. Материалы

- XII международной научной конференции. Москва, 18-20 сентября 2008 г. (pp. 330–336). Москва, Россия: МСНК-пресс.
- Яценко, В.Г. (2017). *Хроника утаенного бунта. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923). Издание второе*. Москва, Россия: URSS.
- Bibliothèque municipale classée. Cod. 150.
- Dinges, G. (1932). *Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen*. Berlin, Germany: De Gruyter.
- Erbes, J. & P. Sinner. (1914). *Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien. Gesammelt und mit einem Anhang von Rätseln zum 150jährigen Jubiläum der Wolgakolonien*. Saratow, Russia: Buchdruckerei Energie.
- Fuzellier, D. (1991). *Journal de captivité en Russie 1813–1814*. Boulogne, France: Editions du Griot.
- John, E. (2003). „Da amüsiert der Nemez sich“. Die „kolonistischen Lieder“ der Russlanddeutschen. *Lied und populäre Kultur / Song and Popular Culture*, 48, 163–205.
- Kopp, Th. (1937). *Rußlanddeutsches Liederbuch*. Buenos Aires, Argentina: Deutscher Volksbund für Argentinien.
- Pallas, P.S. (1771). *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches*. St. Petersburg, Russia: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Peppler, F. (1832). *Schilderung meiner Gefangenschaft in Rußland vom 1812 bis 1814*. Worms, Germany: unknown publisher.
- Sauermann, D. (1973). Das historisch-politische Lied. In R.W. Brednich (Ed.), *Handbuch des Volksliedes. Vol. 1* (pp. 293–322). München, Germany: Wilhelm Fink.
- Schirmunski, V. (1927/28). Das kolonistische Lied in Russland. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, 37-38, 182–215.
- Schischkina, E. (2001). Interkulturelle Beziehungen in der Volksmusik der Wolga-Region. In G. Noll & W. Schepping (Eds.), *Musik kennt keine Grenzen. Musikalische Volkskultur im Spannungsfeld von Fremdem und Eigenem. Tagungsbericht Wien 1998 der Kommission für Lied-, Musik- und Tanzforschung in der Deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V.* (pp. 127–143). Essen, Germany: Die Blaue Eule.
- Schünemann, G. (1923). *Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland*. Berlin, Germany: Drei Masken.
- Stöckl, E. (1993). *Musikgeschichte der Russlanddeutschen*. Dülmen, Germany: Laumann.
- Züge, Ch.G. (1988). *Der russische Colonist, oder, Christian Gottlob Züge's Leben in Russland. Nebst einer Schilderung der Sitten und Gebräuche der Russen, vornehmlich in den asiatischen Provinzen*. Bremen, Germany: Edition Temmen.